

Питер Сингер и пятьдесят лет освобождения животных

Дан Ступ *

Аннотация

В 1975 году австралийский философ Питер Сингер задал обманчиво простой вопрос о животных: «Могут ли они страдать?» Последствия запустили революцию в нашем мышлении о правах животных и пищевой этике. Но уменьшились ли страдания животных за пятьдесят лет с тех пор?

Истоки веганского движения

В течение нескольких лет на страницах «The Vegetarian Messenger», журнала Британского вегетарианского общества, разворачивались жаркие дебаты. Клуб существовал с 1847 года, но между 1909 и 1912 годами он столкнулся с насущным вопросом: можем ли мы всё ещё оправдывать потребление яиц и молочных продуктов?

В 1935 году — поколение спустя — главный редактор журнала назовёт дилемму «более насущной с каждым годом». Дональд Уотсон, учитель деревообработки из Лестера, отстаивал диету из (в основном молотых) орехов, канарских бананов, яблок и фиников и верил в полное воздержание от продуктов животного происхождения. Однако большинство членов Британского вегетарианского общества оказались в состоянии перехода.

К концу Второй мировой войны Уотсон, его партнёрша Дороти и четыре других единомышленника с ними было достаточно. Как «не-молочные вегетарианцы», они чувствовали себя всё более маргинализированными в публикациях общества. Поэтому они проложили свой собственный путь, придумали новое слово — «веган» — и основали своё

собственное общество. Они хотели обменять свои государственные пайки масла и сала на чечевицу или сухофрукты, но власти отказали в их просьбе. «Просто возьмите дополнительные яйца», — ответили чиновники. Уотсон увидел в этом дискриминационную позицию против того, что он признавал тогда крошечным движением. Только двадцать пять британцев, как он позже напишет, казалось, заботились о том, что он спорно называл «тем другим холокостом, который продолжается всё время».

Несмотря на послевоенные преобразования Британии — деколонизацию, культурные потрясения, рост благотворительных институтов — Веганское общество оставалось на обочине. Несколько сотен человек присоединялись каждый год, и его информационный бюллетень достигал максимум нескольких тысяч домохозяйств. Идея воздержания от продуктов животного происхождения ещё не нашла своего момента.

Поворотный момент: Оксфорд, 1970

Тихий сдвиг начался за обедом однажды в 1970 году с австралийского студента-философа в Оксфорде. Без особых раздумий двадцатичетырёхлетний

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА

Питер Сингер и пятьдесят лет освобождения животных Дан Ступ

Питер Сингер положил себе на тарелку спагетти с тёмно-красным мясным соусом в столовой колледжа Баллиол; обеденная дискуссия вращалась вокруг утренней лекции о свободе воли, автономии и моральной ответственности. Когда его сосед по столу, канадский философ Ричард Кешен, услышал, что в соусе есть мясо, он выбрал салат — редкий выбор в то время. Последовал разговор о мясоедении, вызвавший сдвиг в мышлении Сингера, который никогда не утихнет.

Три года спустя Сингер опубликовал «Освобождение животных», эссе в **The New York Review of Books**, которое нашло широкий отклик. Оно заложило основу для его основополагающей книги с тем же названием, которая популяризировала моральный принцип, который едва ли потерял свою остроту: что не интеллект или язык дают моральный статус, а способность страдать. С непоколебимой точностью Сингер описал жизнь животных в лабораториях и на промышленных фермах. Его идеи проникли в законодательство, образование и потребительское поведение, заложив основу для современного движения за права животных.

«Не интеллект или язык дают моральный статус, а способность страдать».

Сегодня Сингер считается одним из самых влиятельных философов в сферах прав животных и пищевой этики. В этом году исполняется пятидесятилетняя годовщина «Освобождения животных», что побуждает к новым размышлениям о его наследии. Приблизили ли нас вклады Сингера в философию к миру, в котором животным живётся лучше?

Оценка наследия

«Честно говоря, я ожидал, что книга окажет большее влияние на пищевые привычки людей, чем в конечном счёте оказала», — говорит Сингер, которому сейчас семьдесят восемь лет, в телефонном интервью, которое я провёл с ним в этом году.

«Освобождение животных» донесло послание, которое было радикальным для своего времени, но по сути простым и рациональным: важность задавать всем формам жизни вопрос «Могут ли они страдать?» Этот вопрос, который Джереми Бентам однажды набросал в сноске, стал моральным краеугольным камнем Сингера, сопровождаемым убеждением, что не мышление, ни речь, а страдание отмечает границу моральной заботы.

С публикацией «Освобождения животных» в 1975 году Сингер обозначил внешние пределы для включения в моральное сообщество где-то между креветками и устрицами, определение, которое он продолжает поддерживать. В то время он описал свою книгу как вызов признать наши отношения к не-людям как предрассудки, столь же неоправданные, как расизм или сексизм. В книге утверждается, что видовой шовинизм, означающий предпочтение собственного вида, заслуживает такого же отвержения. Она также призывает к бойкоту продуктов животного происхождения и завершается некоторыми из его любимых веганских рецептов, включая борщ Ренаты (рецепт его жены) и картофель по-сычуаньски.

По оценкам, от пятисот миллионов до одного миллиарда человек теперь питаются в основном вегетарианской диетой.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Питер Сингер и пятьдесят лет освобождения животных
Дан Ступ**

той, из которых от восьмидесяти до ста миллионов полностью веганы. Между тем, мировое потребление мяса выросло до более чем 360 миллионов тонн в год — почти в три раза больше, чем в 1975 году. Количество животных, забиваемых ежегодно для пищи, взлетело до как минимум восьмидесяти четырёх миллиардов каждый год.

Законы и общественная осведомлённость продвинулись за последние пятьдесят лет, отмечает голландский философ и художник Ева Мейер, но эти достижения в основном символические, в то время как реальные страдания животных выросли экспоненциально. Промышленное животноводство быстро расширилось, и животные продолжают использоваться в крупномасштабных лабораторных исследованиях. Только в голландских лабораториях сотни тысяч мышей убиваются каждый год для получения знаний на благо человека. «Очевидно, — говорит Мейер, — животным не стало лучше, чем пятьдесят лет назад, потому что их убивают каждый год гораздо больше».

Мейер видит «Освобождение животных» как поворотный момент в мире прав животных и ценит роль Сингера в разжигании дебатов, но находит его утилитаризм слишком узким. Его фокус на страдании, утверждает она, пренебрегает сложностью жизни животных. Вместо того чтобы рассматривать животных исключительно как существ, о которых мы должны заботиться морально, Мейер представляет общество, в котором животные политически представлены, их среды считаются политическими пространствами, а их поведение признаётся формой выражения.

«Нам нужно представить общество, в котором животные политически представлены, их среды считаются политическими пространствами, а их поведение признаётся формой выражения».

Технологии и реальность

«Технологически мир теперь выглядит совершенно иначе», — говорит Сингер из Сингапура, где он в настоящее время является приглашённым профессором. За день до нашего разговора Нидерланды приняли закон, запрещающий мацерацию цыплят-самцов в яичной промышленности. Благодаря недавно разработанной технике их пол теперь можно определить до вылупления, поэтому мужские яйца могут быть уничтожены до того, как появится какая-либо способность чувствовать — и, следовательно, страдать. «Определённо шаг вперёд», — говорит Сингер. Он остаётся осторожно оптимистичным в отношении таких технологий, которые всё чаще применяются по всему ЕС.

Сингер предупреждает, что такие позитивные разработки рисуют неполную картину. В то время как Европа продвинулась в законодательстве и осведомлённости, условия во всём мире ухудшились. Китай, в частности, пережил драматический спад в благосостоянии животных. В 1975 году в стране почти не было промышленного животноводства; сегодня у неё больше сельскохозяйственных животных, чем в любой другой стране. Это не просто вопрос выбора в отношении внутреннего регулирования или осведомлённости, а глобальных экономических сил — а именно, распространения интенсивных моделей сельского хозяйства, подпитываемых расту-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МССА*

**Питер Сингер и пятьдесят лет освобождения животных
Дан Ступ**

щим спросом и логикой промышленного капитализма. Сингер называет это «депрессивной реальностью».

В «Освобождении животных сейчас» 2023 года, пересмотренном издании «Освобождения животных», Сингер заменяет устаревшие примеры новыми, столь же ужасающими. Он называет главы об испытаниях на животных и промышленном животноводстве «шокирующими, как тогда, так и сейчас». Однако эта мрачность не мешает ему оставаться ясноголовым. «Я сознательно избегаю эмоционального языка, — однажды сказал он *The Guardian*. — Я никогда не считал себя любителем животных, и я не хочу говорить только с любителями животных. Я хочу, чтобы люди видели в этом фундаментальную моральную ошибку».

«Освобождение животных сейчас» описывает, как старые батарейные клетки были заменены «обогащёнными»; и как лабораторные животные, хотя теперь несколько лучше защищены, всё ещё используются в массовом масштабе. Логика эксплуатации остаётся: животные всё ещё рассматриваются как машины, преобразующие дешёвый корм в прибыльное мясо. То, что кажется прогрессом, часто оказывается лишь косметическим.

«Я никогда не считал себя любителем животных. Я хочу, чтобы люди видели в этом фундаментальную моральную ошибку».

«За ярлыками благосостояния и законодательством часто лежит суровая реальность», — предупреждает Фредерике Схутен из голландской НПО по защите прав животных Dier&Recht. Бывший ветеринар по животноводству, Схутен по-

няла, что может сделать больше для животных через судебные иски, и присоединилась к нескольким некоммерческим организациям. Хотя она ценит моральные призывы и осведомлённость — которые, по её словам, необходимы, чтобы побудить судей действовать, — она подчёркивает важность правовых стратегий. «Стратегические судебные разбирательства необходимы для обеспечения структурных изменений, — говорит она. — Много страданий животных остаётся скрытыми, даже в Европе. Они защищены кажущимся позитивным законодательством. Злоупотребления остаются вне поля зрения. Правовые рамки и этическая осведомлённость часто застревают на благих намерениях, без реальных изменений».

Возьмём запрет на ящики для телят: даже после его реализации телята всё ещё проводят недели в изоляции без соломы, игрушек или социального контакта. «Ящик» немного больше, но телёнок остаётся ограниченным. «Это то, что мы называем благосостоянием животных, — говорит Схутен. — Но для животного мало что меняется».

Ещё в 1975 году Сингер ясно дал понять, что такие случаи не являются исключениями, а структурными практиками, сводящими животных к инструментам. Он описал в леденящих душу подробностях, как телят забирали у их матерей вскоре после рождения и кормили диетой с дефицитом железа, чтобы вызвать анемию, всё для получения более нежного мяса; и как рыбу перевозили живой, задыхаясь на суше перед удушьем. Эти и многие другие формы страданий были широко распространены тогда — и несмотря на пять десятилетий прогресса в области этики, такие практики отнюдь не исчезли.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА*

Политика и реалии

Даже в странах, где благосостояние животных теперь является частью политической повестки, реализация всё ещё отстаёт как от общественной озабоченности, так и от политической риторики. Хотя в Австралии, стране происхождения Сингера, есть Партия справедливости для животных, несущие куры всё ещё содержатся там в клетках, которые ЕС запретил в 2012 году. Австралия планирует отказаться от них только к 2032 году, показывая, насколько необязательной остаётся защита животных; какие меры принимаются, во многом зависит от формальной политической воли и общественного давления. Мы держимся на безопасном расстоянии от насилия скотобоев — за ярлыками благосостояния, стенами и маркетингом. Благодаря National Geographic средний зритель знает больше об акулах и леопардах, чем о свиньях и курицах.

В соответствии с убеждением Сингера, что прогресс начинается с видимости, веганский журналист-расследователь Роэль Биннендейк показывает, что действительно происходит на полу скотобойни в своей книге *Onder de beesten* (Среди зверей). В течение трёх лет Биннендейк работал под прикрытием на голландских фермах и скотобойнях, вооружённый скрытой камерой. Он запечатлел ловцов уток, использующих живых животных как футбольные мячи или затаптывающих их до смерти; и свиней, которых пинали, били, таскали за уши и били током в гениталии. Его кадры стали национальными новостями.

Поскольку законы так часто не справляются, победы часто одерживаются вне зала суда. Лаборатории закрыва-

лись, розничные торговцы отказывались от меха, а супермаркеты пересматривали свою политику закупок — не из убеждения, а под давлением потребителей и активистов. Эти «частные победы», утверждают некоторые, являются необходимыми промежуточными шагами, предшественниками более справедливого правового порядка. Но насколько значительны незначительные улучшения — немного больше пространства, немного меньше стресса — если миллиарды больше животных страдают, потому что мы потребляем гораздо больше мяса?

Эволюция страданий

Дональд Уотсон, британский столяр, который придумал термин «веган» в 1944 году и основал своё собственное общество, провёл большую часть своего детства на ферме своего дяди Джорджа. Наблюдение за забоем свиньи там потрясло его до глубины души; романтический образ фермерской жизни разбился, заменённый клаустрофобной камерой смерти. Он изменил свою диету и стал вегетарианцем в четырнадцать лет.

Свинья, которую видел умирающей Уотсон, вероятно, едва напоминала свиней, выращиваемых на современных промышленных фермах. Не только количество сельскохозяйственных животных увеличилось, но и природа их страданий изменилась. Индустриализация превратила животных в хрупкие, специализированные «машины», зависящие от антибиотиков и белкового корма. Сегодня поросят разводят для быстрого роста и максимального выхода мяса. У них более широкие плечи, более длинные тела и больше сосков, чем у их предков, чтобы выкармливать большие

Питер Сингер и пятьдесят лет освобождения животных Дан Ступ

помёты. В 1970-х годах свиноматка отнимала около двадцати двух поросят в год; сегодня в среднем тридцать два, а селекционные фирмы стремятся к сорока. Эта интенсифицированная форма материнства истощает животных. Многие свиноматки умирают молодыми от физического износа собственной продуктивности.

«Индустриализация превратила животных в хрупкие, специализированные «машины», зависящие от антибиотиков и белкового корма».

Современные свиньи более склонны к стрессу, чаще хромают и живут на голых бетонных полах без соломы или свежего воздуха. У них нет ничего, чтобы рыться. Расстояние между свиньёй, которую видел Уотсон, и теми, которых мы потребляем сегодня, не только историческое, но и биологическое. Что остаётся неизменным, так это страдание.

Моральное воображение

То, что мы кладём на наши тарелки, утверждает писатель Джонатан Сафран Фоер в своей книге 2009 года «Поедание животных», — это не просто вопрос вкуса, а моральный выбор. Он показывает, что наше обращение с животными в пищевых системах не просто экономическое или культурное, но отражает нашу идентичность. Массовые страдания животных, говорит он, становятся возможными благодаря историям, которые мы рассказываем, чтобы оправдать их — среди них, истории о традиции, здоровье, необходимости. Но ни одна история, утверждает Сафран Фоер, не является невинной. Отводить взгляд — это

не нейтральный акт; это становится на сторону преступника.

Призыв Сафрана Фоера резонирует с призывом Сингера, но смещает фокус с моральных рассуждений на моральное воображение. Он спрашивает не только «Что справедливо?», но и «Какими людьми мы хотим быть?» Этот сдвиг имеет решающее значение, особенно во времена, когда страдания продолжают расти в промышленных масштабах. Сафран Фоер не просто бросает вызов нашим принципам — он бросает вызов нашему характеру.

«Сафран Фоер спрашивает не только «Что справедливо?», но и «Какими людьми мы хотим быть?»

В 1975 году Сингер — опираясь на работы современных ему женщин, таких как Рут Харрисон, автор «Животных-машин» (1964) — представил отчётливо утилитаристский аргумент в пользу прав животных. Сегодня его убеждение, что животные могут страдать и, следовательно, имеют моральное значение, широко разделяется, даже философами с другими взглядами. «Идея, что животные совершенно не имеют отношения к этике, в значительной степени исчезла, — говорит Сингер. — Даже философы, которые не полностью поддерживают мои аргументы, теперь признают, что животные имеют значение».

Горизонт, который Сингер приоткрыл пятьдесят лет назад, только расширился. Мыслители из самых разных традиций теперь бросают вызов старой границе между человеком и животным. Кантианцы, такие как Кристин Корсгард, утверждают, что животные являются целями в себе, существами с внутренней ценностью, которую мы должны

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА*

уважать; а феминистские философы, такие как Кэрол Дж. Адамс и Лори Груэн, раскрывают, как угнетение животных переплетено с патриархальными структурами и гендерными иерархиями. В то время как Адамс критикует культурную связь между мясом и мужественностью, Груэн призывает к реляционной этике эмпатии, укоренённой в связи, а не в абстрактном расчёте.

Религиозные голоса также присоединились к хору. Теолог Эндрю Линзи формулирует заботу о животных как христианский долг сострадания; буддийский философ Ши Чао-хуэй обосновывает этику животных в принципах ненасилия и взаимозависимости. Другие идут ещё дальше, представляя животных не просто как существ, которых нужно защищать, а как участников общих политических сообществ. То, что началось как призыв уменьшить страдания, выросло в богатый плюралистический разговор — более широкий по охвату, более глубокий по методу и более смелый в своей моральной амбиции.

Будущее и вызовы

Центральная идея Сингера — что способность страдать даёт любому существу моральный статус — всё ещё остаётся его руководящим принципом сегодня. «Для меня это всё ещё единственный критерий, который действительно имеет значение», — говорит он.

В более поздних работах, таких как «Практическая этика» 1979 года, Сингер уточнил свой утилитаризм и стал более прагматичным, поддерживая промежуточные меры, уменьшающие страдания, такие как улучшения благосостояния и заменители мяса. На протяжении всей своей карьеры его мышление остава-

лось привязанным к одному принципу: минимизация страданий. Но его этический охват расширился. Уже в 1972 году он опубликовал «Голод, изобилие и мораль», призыв к большим глобальным действиям против бедности. В последнее время, в связи с движением эффективного альтруизма, его внимание расширилось, включив климат и технологии.

В эти дни Сингер питается в основном веганской пищей, за исключением случайных устриц, и размышляет о таких вопросах, как ИИ, пищевая политика и животноводство — системах, которые могут либо облегчать, либо усиливать страдания, в зависимости от того, кто их контролирует и с какой целью. Он остаётся приверженным моральным рассуждениям, но приветствует мыслителей, которые строят на его работе. Размышляя о вкладе Евы Мейер, он замечает: «Интересно — идёт дальше, чем моя собственная позиция, но определённо ценно».

С тех пор как появилось «Освобождение животных», возник новый мотив для растительного питания: климат. Этический фокус на страданиях животных теперь сочетается с широко распространённой озабоченностью по поводу парниковых газов и потери биоразнообразия. Но цели меньших страданий животных и более низких выбросов, хотя, казалось бы, согласованы, иногда вступают в противоречие друг с другом.

«Цели меньших страданий животных и более низких выбросов, хотя, казалось бы, согласованы, иногда вступают в противоречие друг с другом».

В 2024 году Дания стала первой страной, объявившей о налоге на углерод

Питер Сингер и пятьдесят лет освобождения животных Дан Ступ

для крупного рогатого скота, свиней и овец. Климатические активисты приветствовали, но эксперты по благосостоянию животных прозвучали предупреждения. Когда город Орхус тестировал подобную политику в 2022 году, продажи говядины упали на сорок процентов — но спрос на курицу и свинину резко вырос. Курица считается более климатически дружелюбной, чем говядина, но изменение также означало, что больше животных будут забиты, вероятно, прожив более короткие жизни и в худших условиях.

Такой сдвиг, предупреждает Сингер, увеличивает страдания. Одна корова даёт около 160 приёмов пищи; курица, самое большее, четыре. Куры массово производятся в огромных, искусственно освещённых сараях, где до двадцати тысяч птиц живут в тесных условиях. Воздух густой от аммиака из их отходов — и они были выведены так, чтобы набирать вес так быстро, что их незрелые конечности с трудом выдерживают собственные тела. Фокусироваться исклю-

чительно на выбросах CO₂ упускает из виду эти страдания. «Это риск, — говорит он. — Вы выбрасываете меньше, но причиняете больше страданий животным».

Сингер признаёт, что его оригинальная книга мало говорила об изменении климата; эта тема едва регистрировалась в 1975 году. В пересмотренном издании «воздействие животноводства на окружающую среду» занимает центральное место.

Для него ключ к реальным изменениям лежит в структурной реформе: прекращении прямых и косвенных субсидий для животноводства и переориентации сельскохозяйственной политики на растительное производство. «Только если мы фундаментально переосмыслим глубоко укоренившуюся экономическую логику выращивания культур, чтобы кормить ими ограниченных животных — и возвращать лишь часть питательных веществ — обещание «Освобождения животных» может быть действительно выполнено».

* «Дан Ступ» — журналист и редактор в «De Groene Amsterdammer». Он пишет расследовательские и философские материалы о политике, экологии, технологиях и музыке.

Перевод статьи Даана Ступа «Peter Singer and Fifty Years of Animal Liberation»

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА

